

Международная Ассоциация Кавказских Региональных Исследований

Право Политика Экономика Социология Современная история Международные отношения

Том 2, Выпуск 1, 1997

“КОНТРАКТ ВЕКА”

(Проблема в исторической ретроспективе)

Елхан Полухов*

Распад Советского Союза и возникновение Новых Независимых Государств (ННГ) поставили последние перед необходимостью разработки собственных доктрин интеграции в мировое сообщество. Обладая разными природными, материальными и людскими ресурсами, каждое из них считало приоритетными те отрасли своей экономики, которые были наиболее развиты в период так называемого “развитого социализма”. Однако, в отличие от огромного советского потенциала, возможности новых независимых республик собственными силами развивать эти отрасли, как правило, оказывались ограниченными, что толкало новоявленные правительства к созданию благоприятных условий для зарубежных инвестиций. Обретение суверенитета стимулировало появление экономических интересов, которые в Азербайджане воплотились в процесс участия западного капитала в развитии нефтяной индустрии республики.

Нефтяная промышленность была одной из наиболее древних и развитых в этом регионе. Нефть начала играть свою роль в жизни Азербайджана еще в период античности. Согласно Карлу Марвину, который упоминал об этом в 1887 году, существуют неопровержимые доказательства вывоза нефти из Апшеронского полуострова на Ближний Восток и в Индию еще 2500 лет тому назад(1). О нефтедобыче (конечно в примитивном смысле этого слова) писали также Приск Понтийский (5 в.), Масуди (10 в.), Марко Поло (13-14 вв.) и многие другие.

Если с начала нынешнего столетия на Апшеронском полуострове уже добывалось около десяти тысяч тонн сырой нефти в год, что составляло половину мировой добычи, а в 1940 году республика обеспечила 71.5 процентов нефти по СССР(2), то к 1993 году ее доля сократилась до 2,62 процентов от общего объема по Содружеству Независимых Государств (СНГ) (Таблица 1) (3). В 70 - 80-х годах с участием азербайджанских ученых и нефтяников были разведаны и открыты крупные нефтяные залежи в Казахстане и Западной Сибири. Это существенно уменьшило роль Баку как поставщика нефти, но повысило его значение как центра нефтепереработки и производства нефтедобывающего оборудования. Однако данные, опубликованные к середине 1992 года, показывают довольно оптимистическую картину. По предварительным подсчетам азербайджанских ученых, разведанные и прогнозируемые запасы нефти в республике составляют примерно 960 миллионов тонн (или около 7 миллиардов баррелей) (4). Основная

масса разведанных залежей еще не находится в эксплуатации, и о них можно говорить как о резервном потенциале страны. По мнению профессора МГИМО МИД РФ Федорова, "...Азербайджан может превратиться в заметного на мировом рынке экспортера нефти, сопоставимого, например, с нынешним Оманом" (5).

Такое состояние дел породило необходимость проанализировать процесс проникновения иностранного капитала в нефтяную индустрию Азербайджана, для которого вопрос "экономического выживания" тесно связан с нефтяной промышленностью, и в первую очередь, с добычей и транспортировкой нефти. Особую политическую значимость имеет тот факт, что западные бизнесмены начали размещать свои капиталы в регионе с нестабильным, с их точки зрения, режимом власти. Сотрясающие республику катаклизмы находят свое отражение в этапах переговорных процессов, проходящих между властями Азербайджана и иностранными нефтяными компаниями. Причины возникающих трудностей усматриваются в сложной геополитической борьбе за передел сфер влияния в регионе Закавказья, начавшейся вслед за распадом СССР. В данной статье исследуются эти и некоторые другие вопросы, ставшие на сегодняшний день исключительно актуальными.

Первый этап формирования контракта (1989-1993)

Начиная с 70-х годов, нефтедобыча в Азербайджане неуклонно падала, и к моменту развала СССР составила мизерную долю из общего объема. Провозглашенные Горбачевым политика "гласности" и "перестройка" позволили мировым нефтяным гигантам вновь обратить взоры на Каспийский регион, где они уже побывали в начале XX века и вкусили плоды нефтяного бума. Стабильно падающий объем добываемой нефти не уменьшал интереса западных бизнесменов к азербайджанским недрам(6). Среди первых бизнесменов, появившихся в Азербайджане в поисках прибыли в нефтяном бизнесе, можно назвать Стефана Ремпа. Родом из Соединенных Штатов, он казалось "был рожден для нефтяного бизнеса" (7). В 70-е годы этот предприимчивый молодой человек перебрался на европейский континент и осел в Абердине (Шотландия). Работая в нефтяной фирме Remco и хорошо ориентируясь в деловом мире, Стефан сумел сделать себе состояние на нефтяном буме, который разразился в Северном море в конце 70-х - начале 80-х годов. С 1986 года Ремп энергично разъезжал по Советскому Союзу, пока судьба не привела его в 1989 году в Азербайджан. Позже он вспоминал: "Везде вы могли видеть следы великого нефтяного бума начала века... Сотни и сотни скважин, все в плохом состоянии. Но нигде присутствия Запада. Как будто время остановилось здесь" (8). Его не смутило доминировавшее среди западных экспертов мнение, что нефтяные поля Апшерона уже исчерпали себя, и он начал долгий и утомительный процесс переговоров с правительственными лицами тогда еще Советского Азербайджана. В результате ему даже предложили заняться поиском фирм, готовых начать сотрудничество с республикой в этом вопросе, в обмен на некую необъявленную долю в будущих нефтяных разработках(9). Усилия Ремпа вскоре дали свои плоды: к 1990 году азербайджанское правительство уже вело переговоры с несколькими крупными нефтяными компаниями, такими как British Petroleum/Statoil, Amoco и Unocal, а зимой 1991 года были предприняты конкретные шаги по созданию условий для начала разработок нефти на Апшероне. Совместным постановлением Министерства нефтяной и газовой промышленности СССР и Совета Министров Азербайджанской ССР от 18 января 1991 года за No 25/25 было решено провести тендер по созданию совместного с производственным объединением "Каспморнефтегаз" предприятия по изучению и разработке офшорного месторождения Азери (ранее называвшегося 26 Бакинских Комиссаров). Сравнительно недавно Азери было открытым месторождением с еще плохо разведанными данными и к тому же достаточно удаленное от берега, однако все

эти кажущиеся недостатки не умалили интереса нефтяного бизнеса к проекту. И хотя из 15 приглашенных фирм и компаний участие в тендере приняли только три (British Petroleum, Amoco и Unocal), надо принять во внимание новизну этого события для Азербайджана, плохо организованную рекламную кампанию, отсутствие опыта в такого рода делах, большую настороженность Запада в отношении СССР и все еще продолжающееся давление Москвы, с которой приходилось согласовывать все, включая список приглашенных фирм(10). Результаты проведенного конкурса были обнадеживающими: один из лидеров нефтяного бизнеса - американская компания Amoco выиграла тендер в июне 1991 года по проведению исследований на этом месторождении(11). Вскоре после этого еще несколько европейских и американских фирм предложили свои услуги по изучению и последующему освоению азербайджанских нефтяных месторождений. К участию в проекте были привлечены альянс BP/Statoil, компании Unocal, McDermott и Remco. Amoco сохраняла свою лидирующую позицию и удерживала за собой 45 процентов от общей доли всех западных компаний. В целом предполагалось следующее распределение долей: 85 процентов оставалось Азербайджану, 15 процентами распорядилась вновь созданная группа(12). Нельзя сказать, что работы над проектом шли усиленными темпами, тем не менее к началу 1992 года уже рассматривались вопросы выбора маршрута доставки будущей нефти на международный рынок(13). Однако изменения во властных структурах Азербайджана смешали все карты.

Описываемые события происходили в период, когда у власти в республике, уже провозгласившей о своей независимости(14), стоял бывший первый секретарь ЦК КП Азербайджана Аяз Ниязович Муталибов. Он же был избран первым (после распада СССР) президентом Республики Азербайджан. Заняв этот пост, Муталибов вместе с этим унаследовал и проблемы, оставшиеся в наследство от бывшего Союза. Война Армении против Азербайджана(15), глубокий экономический кризис, укрепление вновь приобретенного суверенитета, четкое определение внутри- и внешнеполитических ориентиров были лишь частью вопросов, требовавших своего незамедлительного рассмотрения. Однако допущенные при их решении ошибки, вместе с военными неудачами на карабахском фронте, обострили ситуацию в республике. В результате в марте 1992 года в Баку начались массовые демонстрации, окончившиеся бегством Аяза Муталибова в Москву. Политический вакуум в республике продолжался до 14 мая, когда Муталибов попытался предпринять безуспешную попытку вернуться к власти, но был вновь изгнан. В результате всех этих событий Народный Фронт Азербайджана (НФА), во главе с его лидером Абульфазом Эльчибеем, взял власть в свои руки. Новая власть, культивировавшая идею национального суверенитета, имела свои взгляды на вопросы внутри- и внешнеполитического развития страны, полностью отличавшиеся от взглядов Муталибова. Ее лидер, востоковед по образованию, провел три года в тюремном заключении за свое свободомыслие в период брежневского застоя, что видимо сформировало в нем сильную протурецкую ориентацию вместе с абсолютным неприятием каких бы то ни было тесных связей с Россией, а мысль о вхождении в СНГ считалась в его кругу чуть ли не предательством.

С первых же дней правительство НФА активно взялось за проведение экономической реформы. Нефтяной вопрос был выдвинут на передний план и сделаны большие шаги в этом направлении. Государственное объединение "Азнефть" (16) продолжило переговоры с западными компаниями по вопросам исследований и разработок недр азербайджанской части Каспийского моря. Переговоры шли по нарастающей, и уже в июне 1992 года в американской прессе появились первые сведения о совместно добытой в Азербайджане нефти. Правда, речь шла не об офшорных разработках и осуществлялась она на уже открытых и эксплуатируемых полях, но все же это был факт, подтверждавший развитие процесса(17).

7 сентября того же года был заключен еще один контракт, на этот раз с альянсом

двух европейских фирм BP/Statoil, в котором BP заняла лидирующее положение. Альянсу было передано эксклюзивное право на исследование месторождения Достлуг (бывшее Каверочкино) и разработку нефтяной площади Шах-Дениз. Доли во вновь созданном совместном предприятии распределялись пятьдесят на пятьдесят. Кроме того, альянс BP/Statoil согласился выплатить тридцать миллионов долларов (по другим сведениям сорок) за эксклюзивное право на разработку этих месторождений. Конкретные предложения по их изучению и разработке должны были быть предоставлены со стороны BP/Statoil в течение шести месяцев, а сам план исследований был рассчитан на два года. Внутри самого альянса интересы сторон были определены следующим образом: две трети BP и одну треть Statoil. Также было подписано отдельное соглашение по изучению месторождения Достлуг(18), позднее название Достлуг было изменено на Чираг(19). В марте 1993 года последовало подписание второго прелиминарного договора между альянсом BP/Statoil и ГНКАР о совместной работе над нефтяными площадями Чираг и, как было определено позже, Шах-Дениз(20). Кроме того, доля BP составляла девятнадцать процентов в проекте разработки Азери(21).

Вскоре после этого, в начале октября 1992 года было подписано третье по счету соглашение - на этот раз с Pennzoil, одной из крупнейших международных компаний, занимающей лидирующее положение в мировом нефтяном бизнесе. По договору, компании предоставлялось право на развитие офшорного месторождения Гюнешли, где азербайджанские нефтяники уже вели добычу нефти с 1980 года(22).

Таким образом, вниманию зарубежных компаний и инвесторов были предложены четыре крупнейших офшорных нефтяных месторождения Азербайджана: Азери, Шах-Дениз, Чираг и Гюнешли, из которых только Гюнешли находилось в эксплуатации. На этом месторождении было воздвигнуто двенадцать платформ, которые добывали около 125 тысяч баррелей нефти в день(23).

Тем самым Западу было дано понять, что ворота в нефтяной бизнес Азербайджана открыты. Переговоры с западными инвесторами о расширении количества предлагаемых для разработки площадей или увеличении состава участников сделок продолжали вестись главами республики и представителями ГНКАР. Проект, выдвинутый Unocal по объединению исследовательских работ по всем трем месторождениям, был одобрительно воспринят руководством ГНКАР. Это объединение позволяло сэкономить средства, а также давало возможность пересмотреть распределение долей в новом варианте проекта, что, в свою очередь, предполагало увеличение количества будущих участников сделки. Предложение получило свое развитие в октябре 1992 года, и уже в ноябре со всеми участниками контрактов было подписано “пять меморандумов взаимопонимания о единой базе снабжения, единой системе морских трубопроводов и терминалов” (24).

Спустя несколько месяцев Азербайджан уведомил Pennzoil, Amoco и BP о своем желании объединить все три проекта в один, с единым управлением. Компании достаточно сдержанно отнеслись к этой новости, однако никто не выразил принципиального несогласия с перспективой работать в составе единого консорциума(25). В ходе дальнейших переговоров в состав участников готовящейся сделки вошла турецкая нефтяная компания Turkish Petroleum, которой BP уступила часть своей доли. По мнению бывшего президента ГНКАР Сабита Багирова, BP пошла на этот шаг, зная о тюркофильских настроениях Эльчибея, и тем самым попыталась достигнуть двух целей: увеличить вероятность того, что контракт состоится и обезопасить свои капиталовложения(26). Стефан Ремп, один из владельцев Ramco, считает, что правительство санкционировало внесение турецкой нефтяной компании в список будущих компаньонов, исходя из растущего в республике пан-тюркистского лобби(27). Скорее всего оба фактора имели свое влияние на такого рода

перестановки. Значимость события подчеркивает и тот факт, что в этот же период Азербайджан отказал в схожей просьбе таким компаниям как Total, российской ЛУКОЙЛ и Ирану(28). Это была одна из многих ошибок НФА, которые впоследствии привели к изменению политической ситуации в республике.

В середине мая компании подписали последний, шестой меморандум о единой программе работ на всех трех месторождениях, и вопрос об объединении вступил в свою последнюю стадию. К тому моменту в состав его участников входили: British Petroleum Co/Norway's Den Norske Stats Oljeselskap AS (36,7 процентов), Pennzoil Caspian Corporation/Ramco Energy Ltd (17 процентов), Amoco Caspian Sea Petroleum Co. (24,3 процентов), Unocal Corporation (16 процентов) (29), Turkish Petroleum и McDermott.

5 июня совет директоров ГНКАР принял декларацию об объединении всех работ, проводимых на месторождениях Гюнешли, Азери, Чираг. Из всех иностранных компаний только Turkish Petroleum не заявила о своем публичном согласии с планами ГНКАР(30), но в последующем присоединилась к общему заявлению. По новым условиям за ГНКАР оставалась доля в 30 процентов, остальные 70 процентов распределялись среди участников консорциума. Как заявил на пресс-конференции в начале мая президент ГНКАР Сабит Багиров, все три месторождения имеют запасы, оцениваемые в 4,4 миллиардов баррелей нефти и большие запасы газа и газоконденсата(31). Проект контракта предусматривал увеличение нефтедобычи до 23 миллионов тонн в год к 1997 году (по сравнению с 11 миллионами тонн добытых в 1992 году) и до 40-50 миллионов тонн к 2000-2003 годам(32). Уже была намечена дата окончательного подписания контракта, и даже запланирована поездка для этой цели президента республики Абульфаза Эльчибея в Великобританию, но политические смуты опять помешали этому(33). В республике сменилась власть...

Проблемы транспортировки нефти

Одновременно с возникновением вопроса о совместной с Западом добычи нефти в Азербайджане, возник и вопрос о ее транспортировке на мировой рынок. Обладание большими запасами нефти без перспектив ее транспортировки вряд ли заинтересовало бы ведущие нефтяные компании, которые изучали различные варианты в связи с этим вопросом. Географически республика удобно расположилась прямо на границе Европы и Азии, имея общие сухопутные границы с Россией и Грузией (через которые она выходит к Черному морю), а также с Арменией и Ираном. Вся восточная часть республики омывается Каспийским морем и является выходом к России, Казахстану, Туркменистану и Ирану. Кроме того, Нахичеванская Автономная Республика, расположенная на юго-западе, отделена от Азербайджана территорией Армении и граничит с Турцией.

В республике существовали два трубопровода, построенные в начале и в середине нынешнего столетия, которые связывали ее с Россией и Грузией(34), однако они оказались недостаточными для планируемых объемов добычи нефти. Переговоры по строительству нового трубопровода были начаты еще в 1992 году, когда глава турецкой нефтяной компании AD Petrosan Огуз Капан, приехав в республику, начал активные поиски своего места в нефтяном бизнесе Азербайджана. Капан проявил активность не только в изучении месторождений нефти, но и в вопросе ее доставки. По его словам, он первым предложил проект строительства нефтепровода из Азербайджана в Турцию, который проходил бы через Армению. “Когда я впервые предложил эту идею азербайджанцам, они сказали что я сумасшедший, но когда в третий или четвертый раз я говорил об этом, некоторые

соглашались, а другие уже слушали” - заявил Капан в интервью газете The Washington Times(35). Видимо, к выбору такого маршрута его подтолкнул отказ Ирана на транзит через ее (Армении) территорию сырой нефти, но одновременно с этим иранская сторона предложила Азербайджану услуги своего нефтепровода, ведущего к Персидскому заливу. По подсчетам Капана, строительство заняло бы три-четыре года и обошлось бы в 3-4 миллиарда долларов(36). Вскоре после того, как к власти в республике пришли представители НФА, Азербайджан присоединился к Каспийскому Нефтепроводному Консорциуму (Caspian Pipeline Consortium Limited) для совместного строительства нефтепровода из Каспийского региона к терминалам вне бывшего СССР. Договор о создании консорциума был подписан 17 июня в Маскате (Королевство Оман) между представителями Омана и Казахстана. Азербайджан присоединился к договору 6 июля, меньше чем месяц спустя. По условиям договора, стороны предполагали строительство нефтепровода из Казахстана и Азербайджана к одному из трех пунктов: Средиземноморью, Персидскому заливу или Черному морю. Цена нефтепровода зависела от выбора маршрута и колебалась от 700 миллионов до 1,6 миллиарда долларов. Оманская сторона брала на себя обязательства по финансовому обеспечению контракта, в то время как Азербайджан и Казахстан должны были обеспечить кредитную поддержку своими нефтяными ресурсами. Республики дополнительно обязались предоставлять свои объекты и уже существующие нефтепроводы для выполнения намеченных целей. Американская компания Chevron Corporation, занимавшаяся в Казахстане исследованиями нефтяного месторождения Тенгиз для последующей его разработки и эксплуатации, подтвердила свою готовность присоединиться к консорциуму, если нефтепровод будет построен. В свою очередь и Атосо проявила заинтересованность в этом проекте, видя в нем один из возможных путей доставки нефти на мировой рынок(37).

Однако дело не ограничивалось только этим договором. Компании, работающие в Азербайджане, рассматривали и другие варианты, одним из которых был маршрут из Баку к грузинскому городу Батуми, расположенному на берегу Черного моря. Этот маршрут был более по душе Атосо(38). Третий маршрут, наиболее удобный для всех участников консорциума, предполагал строительство новой нитки нефтепровода из Азербайджана через территорию Грузии или Ирана в турецкий порт Джейхан. Его протяженность была бы около 1060 километров(39).

Турция, как одна из самых заинтересованных в этом вопросе сторон, активизировала свои действия на правительственном уровне, и конкретные результаты не заставили себя ждать: 9 марта в Анкаре было подписано структурное соглашение по вопросу о нефтепроводе из Азербайджана в Турцию. С турецкой стороны договор подписал премьер-министр Турции Сулейман Демирель, азербайджанскую сторону представлял Сабит Багиров. Договор предусматривал строительство нового нефтепровода из Баку через Иран и Нахичевань до турецкого нефтепровода, выходящего к терминалам в порту Юмурталык. Турецкий нефтепровод представлял из себя две линии, и предназначался для транспортировки иракской нефти, но находился в бездействии с августа 1990 года, когда ООН наложила эмбарго на торговлю с Ираком из-за его агрессии против Кувейта. Новый трубопровод предусматривал вместимость 800 тысяч баррелей в день и длина его должна была быть 660 километров. Проект оценивался в 1,25-1,50 миллиардов долларов, а работы по его строительству предполагалось начать в следующем году и завершить в течение двух лет. Реализацию его должна была осуществить турецкая фирма Botas. Договор оставлял возможность другим прикаспийским государствам присоединиться к проекту позже(40).

Эти шаги Турция предпринимала на фоне не менее энергичных усилий по распространению своего влияния в Средней Азии. В октябре 1992 года Турция и Туркменистан инициировали свое согласие на строительство трубопровода между

двумя странами(41). В апреле 1993 года Chevron Oil и Казахстан учредили совместное предприятие по разработке месторождения Тенгиз, что также сыграло на руку Турции(42). Еще в марте глава Botas Мете Гокнел, выступая в Лондоне, заявил о том, что его фирма рассматривает варианты по транспортировке нефти из Казахстана и Туркменистана в Европу через Турцию. По его мнению, наиболее выгодным вариантом являлся трубопровод, который шел бы от туркменских газовых месторождений до города Красноводск, расположенного на побережье Каспийского моря, а оттуда через море до Азербайджана. Далее он должен был пройти в Турцию, пересекая Армению и Нахичевань, и через Болгарию, Румынию и Австрию последовать в Европу. Длина его должна была составить 3000 миль, а строительство обойтись в 15,3 миллиардов долларов(43).

Почему контракт не был подписан?

По мнению одного из бывших руководителей ГНКАР, нефтяной контракт мог быть подготовлен и подписан уже в ноябре 1992 года, но этому помешали несколько факторов, среди которых основными он считает:

- * принятие Конгрессом США 907 статьи к Акту о Свободе(44);
- * слабый уровень подготовки азербайджанских специалистов, работающих над подготовкой контракта, в вопросах экономического анализа, а также участие в переговорах со стороны ГНКАР некоего Джона Дойса - представителя Оманской нефтяной компании(45);
- * набирающую обороты привлекательность идеи объединения работ по всем месторождениям(46).

Кроме того, анализ всех проектов, которые были представлены ГНКАР, сделанный финансовым консультантом компании, банком Морган-Гринфильд, выявил множество ошибок, на исправление которых также потребовалось несколько месяцев(47). К моменту, когда они были устранены, в стране начались новые политические волнения. Один из азербайджанских полевых командиров, Сурет Гусейнов, поднял военный мятеж в Гяндже, втором по величине городе республики. Восставший полковник потребовал отставки ряда лиц в правительстве Народного Фронта, а также передачи ему существенных властных полномочий. Восемнадцатого июня отряды мятежного полковника, бывшего национального героя Азербайджанской Республики, находились в десяти километрах от Баку. По отзывам некоторых исследователей, бунтарь имел тесные связи с российскими военными органами и пользовался их поддержкой(48).

В тот же день президент Абульфаз Эльчибей покинул столицу республики и вылетел на родину в Нахичевань. Мотивировал он этот шаг нежеланием развязать в стране гражданскую войну. Еще до своего отлета из Баку он призвал для посреднических усилий Гейдара Алиева, председателя Милли Меджлиса Нахичевани, который незамедлительно принял это предложение и прибыл в столицу(49). Лабиринты дипломатических шагов порой распутываются годами, однако в любом деле можно найти сторону, которой этот шаг выгоден.

Вовлеченность европейских и американских фирм в экономическую жизнь Азербайджана показывает, что эти страны не являлись противниками политического курса, проводимого НФА, примером чему являлся уже готовый к подписанию многомиллиардный контракт(50). В то же время, протурецкая и прозападная ориентация НФА шла вразрез с интересами России и Ирана. Из трех крупных соседних держав только Турция имела ведущие экономические и

политические позиции в республике. Правительство Народного Фронта имело более чем натянутые отношения с Ираном, мотивируя их ущемлением прав проживающего там 25-миллионного азербайджанского населения. Иран, в свою очередь, настораживали периодически проскальзывавшие в кулуарах НФА лозунги, призывавшие к объединению Северного и Южного Азербайджана(51). По этой причине правительство Рафсанджани ужесточило свою политику в отношении республики, заняв скользкую позицию в вопросе урегулирования армяно-азербайджанского конфликта и введя жесткие санкции в отношении осуществления через Иран наземной связи между Азербайджаном и Нахичеванью.

Разногласия с Россией были еще глубже. Заплатив кровавую цену за свою свободу в 1990 году(52), страна потеряла веру в справедливого “северного брата”. Благодаря деятельности НФА, из всех республик бывшего СССР только Азербайджану удалось полностью вывести бывшие советские, а позже российские войска со своей территории. Республика укрепила собственную армию, наладила политические и экономические связи с Западом и Востоком, но резко ослабила их с Россией, что стоило Народному Фронту власти. Имея военное присутствие в Армении, Россия, путем поддержания конфликта между Азербайджаном и Арменией, оказывала всяческое давление на правительство НФА, пытаясь вернуть республику в СНГ(53). Желание Муталибова включить страну в состав вновь создаваемого содружества стоило ему власти, уже через год отказ войти туда стоил власти Абульфазу Эльчибею. Возможно, внутренняя политическая нестабильность России в период с 1992 по 1993 годы, вместе с экономическими проблемами, несколько притупила ее внимание к “ближнему зарубежью”, не давая возможности контролировать развитие событий в бунтующем Азербайджане. Однако ситуация круто изменилась к лету 1993 года. Россия, потерявшая своих бывших сателлитов в Европе и на Ближнем Востоке, не могла терпеть дефежа ресурсов, еще недавно всецело принадлежавших ей. Ситуация становилась даже опасной для нее на фоне распространения влияния Турции, члена НАТО, на Закавказье и Среднюю Азию, поэтому она стала предпринимать конкретные шаги для предотвращения этого. В апреле 1993 года Армения начала оккупацию прилегающих к Нагорному Карабаху и Армении азербайджанских районов. Воспользовавшись тем, что наступление продлилось вплоть до февраля 1994 года, Россия активизировала свои “миротворческие” усилия по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта. Эти факты свидетельствуют о том, что по крайней мере две соседние супердержавы - Россия и Иран - не были согласны с режимом власти НФА, а Турция не смогла противостоять их прессингу в деле решения карабахского конфликта и, как следствие воздействия этих факторов, заключение контракта было сорвано. Позиции “народников” еще более были ослаблены тем, что президент Турции Тургут Озал, скончавшийся в апреле 1993 года, был сменен очень осторожным в связях с Россией Сулейманом Демирелем, который предпочитал находиться с ней в хороших отношениях и не обострять ситуацию из-за Азербайджана.

Нефтяной вопрос после Эльчибея. Подписание контракта

Опытный политик Гейдар Алиев сумел найти общий язык с полковником Гусейновым, и в результате вскоре встал во главе государства, позже будучи избранным президентом. Но тем и отличался президент Алиев от предыдущих двух, что сумел точно определить, кого и чего не хватает в проекте нефтяного контракта. Кроме того, ему было ясно, что переговоры с будущими партнерами по бизнесу ведут не те люди, и все это, вкуче с творящейся в республике политической неразберихой, подтолкнуло его к решению отложить подписание контракта. Сам он мотивировал этот шаг так: “Шестого июня 1993 года Панах Гусейнов подал в отставку с поста премьер-министра, но одиннадцатого июня

подписал правительственное согласие на подписание контракта. Двенадцатого июня член Народного Фронта Сабит Багиров, который возглавлял государственную нефтяную компанию, подписал этот договор. Однако несколько дней спустя, как только я стал главой Верховного Совета, они пришли ко мне из Кабинета Министров и проинформировали меня, что что-то было не чисто в тех контрактах. После этого я дал инструкции приостановить это предприятие” (54).

Сами инвесторы терпеливо ожидали конца политической неразберихи в республике, даже не помышляя покидать этот рынок. Было даже принято решение подбодрить власти в нефтяном деле, и двадцать второго июня восемь нефтяных компаний пришли к согласию предложить Алиеву “под честное слово” бонус на 70 миллионов долларов для Азербайджана в счет тех, которые были запланированы для выплаты после подписания контракта(55).

Однако, несмотря на все ухищрения, решение вопроса о подписании сделки было отложено. Вскоре Алиев дал новые пояснения по задержке подписания казалось бы уже готового контракта. “Я понимаю, что нефтяные компании, привлекающиеся в Азербайджан, имеют свой собственный экономический интерес. Это вполне естественно. Но в то же время мы должны поставить интерес нашей страны выше интересов компаний” - заявил в своем интервью новый глава государства(56). Он пояснил, что удивлен такому сильному беспокойству зарубежных компаний по поводу желаний правительства более тесно познакомиться с условиями контракта. Также было заявлено, что контрактом занимались некомпетентные в этом вопросе люди, и что отныне ему (контракту) будет уделяться больше внимания(57). Кроме того, Алиев сделал недвусмысленное заявление на встрече с представителями нефтяных компаний, которая проходила в Баку в августе 1993 года. Суть его заключалась в том, что “...если нефтяные компании крупных стран проявляют интерес к нефтяным залежам Азербайджана,... государственные учреждения этих стран должны проявлять интерес к нынешней общественно-политической ситуации в республике” (58).

Большинство обозревателей полагает, что Алиев предпринял этот шаг, чтобы смягчить позицию России по отношению к Азербайджану и дать ей понять, что активно ведет поиски ее места в нефтяном контракте. Мысль о том, что военные неудачи на карабахском фронте, которые стоили власти Муталибову, а после и Эльчибею, могли обернуться той же монетой и для Алиева, звучит очень убедительно(59). Продолжавшееся армянское наступление, которое привело к оккупации более чем двадцати процентов территории республики, было бы прекрасным поводом для этого, и остановить его становилось задачей первостепенной важности. Никакие международные и дипломатические демарши не возымели действия на армянскую сторону, и лишь после того, как новый президент ужесточил дисциплину в азербайджанской армии, удалось остановить продвижение армян. Алиевым были предприняты и другие шаги для достижения прекращения огня, включающие многочисленные напряженные переговоры со всеми странами, участвовавшими в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта, усмирение внутренней оппозиции, улучшение связей с Ираном, но самое главное, что, добившись от парламента Азербайджана одобрения решения о вхождении республики в состав СНГ и, приостановив рассмотрение нефтяного контракта, он частично удовлетворил желания России.

Вслед за переносом даты подписания контракта была создана специальная комиссия из числа иностранных экспертов, которая должна была провести его детальную проверку. Кроме того, была проведена коренная чистка управленческого состава ГНКАР и ее новым руководителем был назначен Натиг Алиев (однофамилец президента республики). Четвертого февраля 1994 года президентским указом ГНКАР вновь были возвращены ее функции(60).

Как и было обещано спикером парламента республики Расулом Гулиевым,

переговоры возобновились спустя несколько месяцев(61). Однако условия несколько изменились, и теперь Азербайджан уже предлагал не три нефтяных месторождения, а только два, придерживав Гюнешли. Доли в контракте распределялись следующим образом: 80 процентов оставалось Азербайджану, а 20 процентов представителям иностранных фирм (по другим источникам предполагалось 65 и 35 процентов(62)). Последние, соответственно, делили свою долю между собой следующим образом: Amoco - 24,3 процентов, BP/Statoil - 36,7 процентов, Pennzoil/Ramco - 17 процентов, Unocal - 16 процентов, McDetroit - 3,5 процентов и Turkish Petroleum - 2,5 процентов. Бонус за разработки был поднят до 500 миллионов долларов, половина из которого должна была быть выплачена сразу же после ратификации его парламентом страны(63).

Такие изменения не оказались сюрпризом для западных нефтяных компаний, хотя и не вызвали особого восторга. Было логично предположить, что состав консорциума неминуемо будет расширен, и надо будет потесниться. По мнению профессора Института стратегических исследований США Стивена Бланка, именно давлением России объясняется отказ Алиева предоставить к разработке месторождение Гюнешли. Он также считает, что Россия пожелала 10 процентов доли в месторождениях Азери и Чираг(64). В планы России также входило взятие под свой контроль нефтепровода, по которому каспийская нефть должна была потечь в Европу.

Алиев осознавал цели, которые преследовал его северный сосед, так же как и то, что выход из положения должен быть найден в кратчайшие сроки. Вхождение республики в СНГ в сентябре 1993 года и изъятие из рассматриваемого списка Гюнешли, вероятно, должно было удовлетворить Россию. Позже российская нефтяная компания ЛУКойл вошла в состав консорциума как равноправный партнер, а пока руководителю страны предстояло найти способ умерить аппетиты Москвы(65). Кроме того, нельзя было забывать и о других участниках консорциума: так, согласно премьер-министру Турции Тансу Чиллер, страна к началу 1994 года уже предоставила Азербайджану помощь в размере 1,5-2 миллиарда долларов(66), а Великобритания являлась спонсором больших гуманитарных программ в республике и защищала ее интересы на международной арене.

Гейдар Алиев выделил именно эти две страны как силу, которая сумеет противостоять в нефтяном вопросе неумемному аппетиту России. Однако вначале он предпринял поездку во Францию, которая проходила с 19 по 23 декабря, во время которой был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Президент Алиев также предложил французской нефтяной фирме Elf Aquitaine принять участие в нефтяном бизнесе Азербайджана, желая тем самым привлечь на свою сторону еще одну из стран участниц Большой Семерки. Еще до начала поездки другая французская фирма Schulmberger была привлечена к проведению дополнительных геофизических исследований на месторождении Гюнешли (оно было изъято из контракта и, следовательно, оставалось вакантным) (67).

По возвращении из Франции глава республики в первой трети февраля 1994 года предпринял визит в дружественную Турцию, и сразу же после этого, в период с 22 по 25 февраля, побывал в Лондоне. В ходе этих визитов он заручился поддержкой данных стран в вопросе об увеличении их вовлеченности в нефтяную сделку и по карабахской проблеме. В Лондоне он добился большего успеха, подписав восемь документов, под двумя из которых - Договоре о дружбе и сотрудничестве, и о совместных действиях в нефтяной индустрии - стояла подпись премьер-министра Великобритании Джона Мейджора. В обмен на это Алиев подтвердил ранее заключенное соглашение о предоставлении BP эксклюзивного права на разработку месторождения Шах-Дениз, (однако оговаривалось участие ЛУКойла в проекте разработок месторождений Азери и Гюнешли) (68).

Перед лицом усиливающегося давления России на Азербайджан и республики Средней Азии, Турция также предприняла конкретные шаги. После того, как в результате вышедшего за пределы Нагорного Карабаха армянского наступления были захвачены районы, через которые планировалось провести трубопровод из Средней Азии и Азербайджана в Турцию и дальше в Европу, турецкие власти заявили, что они потребуют нового режима судоходства через проливы Босфор и Дарданеллы, мотивируя это тем, что навигация в проливах сопряжена с большими трудностями (12 точек для маневров в одну сторону и 14 в другую), а также с участвовавшими случаями аварий судов, что катастрофически влияет на экологию(69).

Новый график, предложенный Турцией в марте 1994 года, существенно ограничивал тоннаж и количество судов, которые могли проходить через проливы, что шло вразрез с конвенцией Монтре от 1936 года, по которой Босфор объявлялся открытым для прохода через него торговых судов всех государств. Свои доводы Турция подкрепляла статистикой: с 1988 по 1992 годы в проливах имело место 157 инцидентов, к тому же прохождение нефтяных танкеров или других судов с опасным грузом через Стамбул создавало большую угрозу для населения и экологического фона города(70).

Такая постановка вопроса резко подрывала надежды России на прокладку нефтепровода из Средней Азии и Азербайджана к черноморскому порту Новороссийск, откуда нефть должна была перегружаться в танкеры и транспортироваться через проливы в Европу. Россия прибегла к нажиму на Турцию, обратившись в ООН(71), однако 21 мая Международная Морская Организация при ООН одобрила турецкий график(72), и в июне турецкая делегация передала российской стороне необходимую информацию о новом режиме судоходства, отказавшись обсуждать эту проблему дальше(73).

В ответ на это российские политики подняли вопрос о статусе Каспийского моря. Двадцать седьмого апреля российский МИД вручил послу Великобритании Брайану Фоллу ноту, в которой выражался протест по поводу упоминания в меморандуме “О сотрудничестве в области энергетики”, подписанного между Азербайджаном и Великобританией в феврале того же года, термина “азербайджанский сектор каспийского моря”. В ноте говорилось, что любой проект, касающийся разработки месторождений нефти на Каспии и ее транспортировки в страны Европы, не будет иметь юридической силы без его предварительного согласования со всеми странами этого бассейна. Такой подход мотивировался тем, что Каспий имеет единую экологическую структуру, а также отсутствием законодательных актов, допускающих такую формулировку. Ноты соответствующего содержания не были отправлены ни одной из прикаспийских республик(74). В действительности после распада СССР не осталось никаких законодательных актов, на основании которых этот вопрос мог бы быть разрешен. Все прикаспийские республики сходятся во мнении, что проблема статуса Каспия должна быть разрешена путем общей договоренности. Туркменистан и Казахстан, интересы которых тоже затрагиваются в этом вопросе, под давлением России заявили о признании за Каспием особого статуса, решение о котором должно быть принято всеми прибрежными государствами сообща(75), однако их позиции позже сблизилась с азербайджанской. Азербайджан утверждает, что в своем подходе к этому вопросу он исходит из положения, что Каспий является приграничным озером (географически Каспий - самое большое в мире озеро), и что в его делении вполне приемлем принцип средней линии, когда за основу берется линия, равностоящая от противоположных берегов. Такой принцип заложен в делении Великих Озер между США и Канадой(76). Кроме того, работы на Нефтяных Камнях (месторождение вблизи Апшеронского полуострова), велись уже при СССР и без какой-либо должной юридической договоренности с Ираном. Договор СССР с Ираном от 1920 и 1940 годов определял 12-мильную зону, в которой разрешалось вести рыбный промысел, а также устанавливал, что иностранные военные суда не

могут заходить в этот водный бассейн, что уже говорит о том, что это внутренний водоем. Не было принято никаких статей, определявших порядок разработок недр водоема или его статус. К тому же, в 1970 году Миннефтепром СССР поделил бассейн Каспия на сектора, в каждом из которых соответствующие республиканские министерства вели свои изыскания(77). В пользу секторального деления каспийской акватории говорит и то, что, после развала СССР, представителями пограничных ведомств России, Туркменистана и Азербайджана было подписано соглашение об охране морских границ на Каспии, предусматривающее проведение границ по средней линии(78). К этому можно добавить и то, что почти все страны, имеющие выход к водоему, включая Россию, ведут офшорные исследования и добычу нефти на Каспии без согласования с прибрежными государствами(79).

В ответ британский МИД провел ряд консультаций с внешнеполитическим ведомством Азербайджана, и даже состоялся визит министра энергетики Великобритании Тима Эггара в Баку, где он встретился с президентом, руководством ГНКАР и работниками МИДа. Было принято решение “не принимать во внимание ноту МИД РФ”. Великобритания заявила, что “намеревается продолжать переговоры с Азербайджаном о совместной разработке морских нефтяных месторождений на Каспии” (80). Вслед за этим Алиев полетел в Стамбул, где 3 мая встретился с главой МИД Турции Четином, президентом Демирелем, заручившись их поддержкой по данному вопросу, и пообещав ускорить процесс переговоров о месторождениях и разработке маршрута нефтепровода(81).

Работа над заключением нового контракта продолжалась, и в мае было создано совместное предприятие “Азери-ЛУКойл”, которое включило российскую компанию в уже завершившийся переговорный процесс. Шестого июня представители ЛУКойл должны были впервые принять участие в работе консорциума(82). Сразу после этого Гюнешли опять было возвращено в число рассматриваемых месторождений.

Это свидетельствовало о непоследовательности политики России в отношении Азербайджана. По мнению американского профессора Роберта Барильского, в Кремле сложились две противоречащие друг другу стратегии: одна из них поддерживалась бывшими министром иностранных дел РФ Андреем Козыревым и директором Службы Внешней Разведки Евгением Примаковым (нынешним главой МИД РФ), и предполагала жесткую политику в отношении Азербайджана(83). Другую линию поддерживал премьер-министр РФ Виктор Черномырдин, представлявший интересы топливно-энергетического комплекса России и более склонный строить отношения с соседями на основе экономического сотрудничества. Именно он противостоял нажиму Козырева и Примакова, отказавшись вывести российскую ЛУКойл из азербайджанского контракта(84). Эту же информацию подтверждает заявление президента Гейдара Алиева, сделанное им при встрече с послом Великобритании Томасом Янгом, в котором говорилось, что он имел телефонный разговор с Черномырдиным, и что он (Черномырдин) ничего не знает об этой ноте. Кроме того, премьер-министр России передал Алиеву, “что Азербайджан может официально от его имени распространить заявление, в котором непременно указать, что перед правительством России не стоит вопрос о статусе Каспия” (85).

Период с февраля по июнь 1994 года был отмечен напряженной работой над условиями контракта, а также многочисленными встречами и консультациями со всеми участниками проекта, проходившими в Хьюстоне (США) и Стамбуле. Западные компании начали проявлять свое недовольство затягивающимся переговорным процессом и постоянными изменениями, которыми он сопровождался. В результате, после очередной встречи в Стамбуле, было заявлено, что если контракт не будет подписан в ближайшем будущем, то “западные компании могут уйти из Азербайджана, громко хлопнув дверью” (86).

Алиев, не заинтересованный в таком развитии событий, все же вынужден был тянуть время, опасаясь новых демаршей со стороны России. К тому же он пытался сыграть на зарождавшихся противоречиях между Западом и Россией, и добиться более выгодных для Азербайджана условий.

Вскоре состав предполагаемого консорциума увеличился еще на одного участника - Delta-Nimir - фирмой из Саудовской Аравии, которая смогла войти в проект, купив у Unocal 15 процентов от ее доли (1,68 процентов участия в консорциуме) (87). Работа шла своим чередом, пресса продолжала комментировать ход переговоров и строить предположения о сроке подписания контракта, как вдруг была объявлена конкретная дата этого события - 20 сентября. Сделка была подписана, а ее условия были следующими:

- * срок контракта - 30 лет;
- * месторождения, предназначенные для эксплуатации - Гюнешли, Азери, Чираг;
- * оцениваемые запасы - 511 миллионов тонн (4 миллиарда баррелей) нефти;
- * собственность республики - 258 миллионов тонн нефти и весь попутный газ в объеме 55 миллиардов кубических метров;
- * собственность иностранных компаний - 64 миллиона тонн нефти;
- * на возмещение капитальных, эксплуатационных и транспортных расходов - 194 миллиона тонн нефти;
- * объем инвестиций - 7,4 миллиарда долларов США;
- * прибыль Азербайджана - 34 миллиарда долларов США (без учета инфляции);
- * прибыль компаний - 8 миллиардов долларов США;

Доли участников контракта распределялись следующим образом:

- в республике оставалось около 80 процентов;
- доля всех компаний - 20 процентов.

В свою очередь, эти 20 процентов распределялись следующим образом (также в процентах): ГНКАР - 20; BP - 17,1267; Amoco - 17,01; ЛУКойл - 10; Pennzoil - 9,8175; Unocal - 9,52; Statoil - 8,5633; McDermott - 2,45; Remco - 2,08; Turkish Petroleum - 1,75; Delta-Nimir - 1,68.

Кроме того, республике выделялся бонус в размере 300 миллионов долларов США, из которых 80 миллионов было уже выплачено, 70 миллионов должно было быть выплачено после ратификации договора парламентом, еще 75 миллионов - после того, как добыча нефти составит 40000 баррелей в день (в течение 18 месяцев), и последние 75 миллионов - после того как основная нефть пойдет по нефтепроводу. В договоре также было указано, что нефтепровод должен быть построен в течение 54 месяцев(88). Западный консорциум подарил 5 миллионов долларов медицинскому фонду президента и более чем 50 миллионов долларов фонду социального обеспечения республики(89). Вскоре после подписания контракта был учрежден новый орган, в ведение которого переходило управление процессом реализации контракта - АМОК (Азербайджанская Международная Операционная Компания). В него вошли представители правительства республики и всех компаний. Пятьдесят процентов представительства в Совете директоров имели ГНКАР и правительство Азербайджана, главой Совета был избран Терри Адамс - руководитель офиса BP в республике. В ноябре парламент Азербайджана одобрил контракт в первом же

чтении, даже не начав его обсуждать.

Нельзя недооценивать важность этого события для республики. Кроме прямых экономических выгод, контракт создавал благоприятную почву для инвестиций в другие области, такие как телекоммуникации, сфера быта, сервисные службы и многое другое. Контракт возродил нефтяную промышленность Азербайджана и создавал множество рабочих мест, что было немаловажно для республики с более чем одним миллионом беженцев. Другая выгода от контракта заключалась в создании благоприятной атмосферы для привлечения западных капиталовложений в различные отрасли народного хозяйства, такие как машиностроение, сельское хозяйство, химическая промышленность. Благодаря тому, что в состав консорциума входят компании США, Великобритании, Норвегии, России, Турции, Саудовской Аравии, расширились культурные и научные связи республики. В настоящее время в республике действует несколько тысяч совместных предприятий, более 25 азербайджанских культурных центров функционируют в Америке, Англии, Франции и многих других странах(90). Наиболее значимым достижением контракта был его вклад в увеличение политического веса республики на международной арене. Азербайджан получил политическую поддержку великих держав через их вовлеченность в экономику страны, а поддержка была необходима почти во всех внешнеполитических вопросах, которые приходилось решать республике. Запад продемонстрировал свое отношение к республике как к равноправному партнеру, чья стабильность позволяет делать капиталовложения в ее индустрию. Последующее развитие событий показало, что “контракт века” был лишь первым шагом в этом направлении.

Проблема реализации контракта.

Подписание нефтяного контракта было с одобрением воспринято во многих странах мира. Английская Observer даже взялась предсказать, что республика вскоре превратится в новый Кувейт(91), а либеральная роттердамская газета NRS Handelsblad заметила, что если после крушения Советского Союза почти все новости об Азербайджане в международной прессе сводились к сведениям о войне с Арменией, то это, возможно, навсегда изменилось после сентября(92). Однако российский МИД по-прежнему продолжал придерживаться линии непризнания “контракта века” (93), о чем он официально заявил через день после его подписания(94). На первый взгляд ситуация выглядела трагикомично - внешнеполитическое ведомство России отказывалось признать сделку, под которой подписался руководитель российского Министерства топлива и энергетики с ведома и одобрения правительства и премьер-министра РФ. Однако Казахстан и Туркменистан также вели офшорные разработки на Каспии, но без учета “российских особых интересов”, и если в “контракте века” Россия получила что-то, то вопрос относительно маршрута транспортировки нефти из каспийского региона на Запад еще не был решен в ее пользу - намного легче контролировать один или несколько нефтепроводов, чем участвовать во всех заключенных или предлагаемых к подписанию контрактах.

Азербайджанская сделка тоже не давала четкого определения маршрута нефтепровода. Контракт предусматривал в этом вопросе две стадии: транспортировку ранней нефти, ожидаемую через 18 месяцев, и транспортировку основной нефти, планируемую к 2000 году. Этот вопрос обсуждался накануне приезда в Америку президента России Бориса Ельцина, и, видимо, главе азербайджанского государства надо было поточнее определиться в выборе будущих приоритетов между Севером и Западом(95). Ему удалось добиться обещания Билла Клинтона помочь в вопросе обуздания армянской оккупации и определения роли России в миротворческом процессе, а также в вопросе

признания “контракта века” со стороны последней. Деликатная роль, которую взял на себя президент США, подразумевала под собой цель уменьшить негативное воздействие российской стороны на процесс мирного урегулирования в вопросе о Нагорном Карабахе и создание благоприятной обстановки для американских нефтяных компаний, которые работали в каспийском регионе.

Однако, еще до приезда Бориса Ельцина в Вашингтон, один из работников аппарата российского президента, готовивших его поездку в США, Сергей Караганов, заявил, что “нет шансов, что сделка будет поддержана, если нефтепровод пойдет на юг” через Турцию. “Россия заинтересована в том, чтобы мы контролировали нефтепровод” - добавил он(96). Схожую с этим мысль поддержал и сам Ельцин, когда оказался в Вашингтоне, подчеркнув, что это тривиальный законодательный случай, решение которого займет много лет(97).

Кроме того, в начале октября 1994 года в Азербайджане была предпринята попытка государственного переворота, и Алиеву срочно пришлось возвращаться из США. На этот раз в роли восставшей стороны оказался Отряд Полиции Особого Назначения (ОПОН) под руководством заместителя Министра внутренних дел Ровшана Джавадова. Восставших поддержали в Гяндже, а сами бунтари заняли выжидательную позицию, засев на своей бакинской базе. По некоторым сообщениям, группа российских войск была сконцентрирована на севере, и в ночь с 4 на 5 октября Алиев призвал народ выйти на митинг и объединиться перед лицом угрозы интервенции в Азербайджан российских войск со стороны Дагестана. Опоновцы, не желая быть причиной новых политических катаклизмов, заявили о своей полной лояльности властям (правда они и не требовали смены главы государства, а лишь смещения с постов некоторых членов правительства). По сообщениям местных средств массовой информации, в ночь с 4 на 5 октября базу ОПОНа посетил посол США в Азербайджане Ричард Козларич и имел неофициальную беседу с главой восставших, после чего опоновцы и сделали подобное заявление.

Разобравшись с политическим положением в республике, Алиев столкнулся с новой проблемой. Двенадцатого октября Россия созвала закрытую встречу всех прикаспийских государств, где предложила учредить региональную организацию, которая рассматривала бы все вопросы, касающиеся Каспия и разработок на нем. Иран поддержал российские предложения, однако Азербайджан выступил против российского плана о праве вето любой из стран каспийского региона на разработки другой стороны без предварительного согласования со всеми участниками организации. В этот же период Алиев встретился в Москве с Черномырдиным, который подтвердил свою полную поддержку “контракта века” (98).

За всеми этими перипетиями глава республики не упустил из вида и другого соседа - Иран, значение которого так недооценили “народники”. Алиев уже совершил однажды поездку в Иран в конце июня 1994 года и обсудил с президентом Рафсанджани вопросы двусторонних отношений. Теперь же планировалось включить Иран в “контракт века”. Двенадцатого ноября 1994 года в Баку между иранской и азербайджанской сторонами был подписан документ, исходя из которого Иран мог стать одним из участников нефтяной сделки за счет переуступки ей части азербайджанской доли. Азербайджан пошел на этот шаг из политических и экономических соображений. Блокада железной дороги на Северном Кавказе со стороны России, мотивируемая конфликтом в Чечне, заставляла республику искать другие торговые пути для связи с Западом и Югом. Нестабильная Грузия была не самой лучшей альтернативой, и к тому же сама сильно зависела от России. Оставался Иран, через который лежал самый короткий из реальных путей в Нахичевань, Турцию и Ближний Восток. Уже к середине 1995 года иранский экспорт в республику составил 51.14 процентов от общего объема, обогнав Россию (8.19 процентов) и Турцию (8.19 процентов) (99). Через территорию Ирана начали осуществляться грузовые и пассажирские

перевозки в Нахичевань, Турцию и Европу. В политическом аспекте Алиеву нужна была поддержка Ирана в решении вопроса о Нагорном Карабахе. В Исламской Республике проживает более 25 миллионов азербайджанцев, с которыми тоже надо было налаживать и укреплять контакты.

По условиям “контракта века” Азербайджан должен был гарантировать свою долю капиталовложений в проект разработок в размере 1.7 миллиарда долларов США. Отсутствие таких средств заставляло руководство страны искать партнеров на стороне, и Иран мог стать одним из них. Но возникла неразрешимая проблема. Против включения в контракт Ирана резко выступила американская сторона. Посол США в Азербайджане Ричард Козларич официально заявил, что если Иран получит долю в проекте развития азербайджанских нефтяных месторождений, то американские компании выйдут из состава консорциума(100). Такое заявление, сделанное в связи с тем, что Вашингтон обвинял Иран в поддержке международного терроризма, означало, что американские нефтяные компании не смогут получить государственные кредиты на проведение совместных с Ираном операций. Этот подход выглядит немного странным на фоне договора, заключенного 6 марта 1995 года американской нефтяной компанией Сопосо с Национальной Иранской Нефтяной Компанией на разработку и экспорт иранской нефти и газа(101).

Совет директоров консорциума также поддержал требование США о не включении Ирана в контракт, что не было удивительно, так как четыре из одиннадцати компаний - американские(102). Под давлением этих факторов главе ГНКАР пришлось отказать иранской стороне(103), но это не решило вопроса о финансировании азербайджанской доли в контракте. До середины апреля Азербайджан должен был представить финансовые гарантии своего участия, в противном случае его доля автоматически распределялась между другими сторонами, подписавшими контракт. Свою заинтересованность в ее приобретении проявили ЛУКойл, Agip, Еххон, германская Grunewald & Co., главы которых в течение января посетили Баку и провели переговоры по этому поводу с руководством республики и ГНКАР(104). Результатом этих встреч явилась переуступка республикой пяти процентов своей доли американской компании Еххон. Это решение было подтверждено на встрече руководства АМОК с участниками консорциума, проходившей в Стамбуле 21-22 мая(105). Очередное изменение в составе консорциума произошло в марте 1996 года, когда McDermott продал всю свою долю японской фирме Itochu. Она же купила 5 из 9.82 процентов доли Pennzoil, заплатив 130 миллионов долларов США(106).

Договор о транспортировке ранней нефти

Решение вопроса о транспортировке ранней нефти из республики вылилось в большую политическую проблему. Россия требовала, чтобы нефть проходила по уже существующему нефтепроводу через Северный Кавказ к черноморскому порту Новороссийск, Турция же пыталась реализовать свой план прокладки трубопровода к средиземноморскому побережью. Обе страны предпринимали активные действия в этом направлении, проводя встречи с руководством Азербайджана и Амок.

Оба варианта имели свои “за” и “против”. Так, маршрут, предлагаемый Турцией, проходил через районы, населенные курдами и мог быть подвержен их атакам. К тому же он был более длинным и, соответственно, более дорогим. Российский маршрут тоже был не самый лучший: существующий трубопровод проходит через Чечню, где с 1994 года велись активные боевые действия и уже было несколько фактов взрыва линии. Не в пользу России говорил и случай с Шевроном, когда компания вынуждена была уменьшить добычу нефти на казахстанском месторождении Тенгиз из-за того, что Россия урезала квоты на

использование ее нефтепровода для транспортировки добытой продукции к черноморским терминалам. Россия, которая присоединилась к Каспийскому нефтепроводному консорциуму в 1995 году, совместно с Оманом начала навязывать свои условия Казахстану и Шеврону, предлагая строительство нового трубопровода через ее территорию. Вопрос о статусе Каспия ставил под сомнение другой возможный маршрут, который мог пройти через море и присоединиться к азербайджанскому нефтепроводу, а путь через Иран, вокруг Каспия, натолкнулся бы на противодействие США. И как результат, в апреле 1996 года был подписан договор между Россией, Оманом, Казахстаном и восемью западными нефтяными компаниями о строительстве к Новороссийску нового трубопровода, стоимостью в 1.2 миллиарда долларов США, в котором российская сторона приобрела лидирующие позиции(107). Этот договор шел вразрез с интересами Турции, имевшей свои интересы в этом регионе(108).

Оставался еще грузинский вариант, который предполагал восстановление старого нефтепровода из Баку в грузинский порт Супса, расположенный недалеко от Батуми. Турция, занимающая лидирующее место в грузинском внешнеторговом обороте, поддержала этот проект, и даже предложила взять на себя все расходы по его осуществлению (250 миллионов долларов США), если в дополнение к этому будет принято решение о прокладке основного нефтепровода в порт Джейхан(109).

Чтобы решить вопрос о маршруте трубопровода в свою пользу, все три страны (Грузия, Россия, Турция) предприняли конкретные шаги. Российские военные усилили свой напор для скорейшего решения чеченской проблемы, одновременно российский МИД повторил свои демарши о непризнании любых сделок вокруг Каспия и пригрозил Грузии вывести свои миротворческие силы из района грузино-абхазского конфликта, а Армения, под давлением, начала обстрелы азербайджанских территорий, через которые предполагалось провести нефтепровод в Грузию(110). В комплексе с этим российские политики начали активно прорабатывать вариант строительства трубопровода через Болгарию в Грецию, который позволил бы ей обойти турецкие проливы. Этот вопрос обсуждался во время мартовского визита в Москву болгарского премьера Жана Виденова(111).

В свою очередь, Турция, после того как Россия подписала договор о строительстве трубопровода из Казахстана к Черному морю, пригрозила еще более ужесточить режим прохода кораблей через проливы(112). Кроме того, были предприняты широкомасштабные военные действия по уничтожению военных баз Курдской Рабочей Партии на территории Ирака. Со своей стороны, Грузия попыталась стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и обуздать преступность, широко распространившуюся в республике.

В марте 1995 года теми же силами, что и год назад, была предпринята попытка нового государственного переворота в Азербайджане. На этот раз президент подавил бунт с помощью военной силы. Возможно это было предупреждение со стороны России о необходимости принятия северного маршрута. В начале октября президент США, в телефонном разговоре с Гейдаром Алиевым, высказал мнение, что российский путь не единственный, и что наличие двух трубопроводов было бы хорошим решением этой проблемы(113). В этот же период члены консорциума встретились в Хьюстоне и договорились об использовании двух маршрутов - грузинского и российского(114). Такое решение проблемы вполне устраивало Турцию, надеявшуюся иметь основной нефтепровод, решение по которому должно было быть принято до конца 1996 года. В ходе своего декабрьского визита в Азербайджан президент Турции Сулейман Демирель затрагивал эту проблему, говоря о ней как об уже решенном вопросе(115). Гейдар Алиев, однако, прохладно отнесся к этой перспективе во время проходившего 14-15 апреля в Баку двухдневного визита турецкого премьера Йлмаза(116). В январе 1996 года состоялся визит Алиева в Москву, где он подписал пакет документов,

касающихся перспектив экономического сотрудничества двух стран. В частности, было подписано соглашение о транзите части “ранней нефти” через Россию(117). Этот маршрут предусматривал использование 1250-километрового нефтепровода из Баку в Тихорецк (город недалеко от Новороссийска). По соглашению, российская “Транснефть”, которая должна осуществлять перевозку нефти, будет получать 15,67 долларов США за каждую метрическую тонну(118). В марте Алиев подписал подобный договор с Грузией, где упоминалось строительство нефтепровода из Баку в Батуми. По условиям этого договора, длина нефтепровода составит 920 километров (480 километров по территории Азербайджана и 440 километров по территории Грузии). Транзитные тарифы были определены на уровне 0,43 доллара за каждый баррель, из которых 0,26 доллара будет принадлежать Азербайджану и 0,17 доллара - Грузии(119). Этим событиям предшествовало другое - а именно, нота МИД России по поводу закрепления в 12 статье новой конституции Азербайджана понятия “азербайджанский сектор Каспийского моря” (120). Вероятно, российские политики исходили из того, что не помешает лишний раз напомнить Азербайджану о его шатком положении в преддверии обсуждения вопроса о маршруте главной нефти.

Переговоры по поводу основного нефтепровода еще продолжаются, хотя ясно прослеживается поддержка турецкого маршрута со стороны основного состава участников консорциума. Турция всячески старается перетянуть на свою сторону Азербайджан в этом вопросе и ищет финансовой и политической поддержки США в решении этой проблемы. Как заявил на пресс-конференции в Баку бывший спикер азербайджанского парламента Расул Гулиев, российско-казахский договор о строительстве нефтепровода сделал маршрут Баку-Джейхан еще более важным. В то же время президент Алиев выступил с критикой Турции, обвинив ее в поддержке оппозиционных нынешнему режиму сил(121), и на недавней встрече с российскими парламентариями в Баку подчеркнул, что Азербайджан “отдает предпочтение отношениям с Россией” (122). В подтверждение этого Россия получила большую долю участия в двух других проектах по разработке месторождений Шах-Дениз и Карабах. В свою очередь, российская сторона активизировала свои усилия в решении карабахского конфликта, в результате чего, при посредничестве нового главы МИД Евгения Примакова, состоялся обмен военнопленными между Азербайджаном и Арменией. Однако Москва не очень доверяет подобного рода заявлениям президента Алиева, особенно на фоне его упорного стремления не допустить размещения российских военных баз на территории страны(123).

Видимо Турции придется понять ситуацию, в которой находится Азербайджан, зажатый между Россией, Ираном и Арменией, и вынужденный делать пассажи в сторону первых двух. Гейдар Алиев всячески старается не дать остановиться реализации “контракта века”. Иран, которому было отказано в участии в “контракте века”, все же был приглашен в проект по разработке Шах-Дениза, в состав которого не были включены американские компании(124). Вероятно этот шаг был продиктован усиливающимся влиянием России в этой исламской республике, особенно после того, как она (Россия) начала реализацию проекта строительства ядерной электростанции в Иране, несмотря на противодействие Вашингтона.

Политика США в отношении Азербайджана также не отличается четкостью и последовательностью. Администрация Билла Клинтона, явно поддерживающая расширение связей с республикой, оказывается связанной по рукам пресловутой 907 статьей и подвержена сильному влиянию Конгресса США, где проармянские настроения преобладают над реалиями.

Можно предположить, что нефтяной вопрос в республике выльется в затяжной вопрос со многими неожиданными поворотами, но остановить этот процесс невозможно. Попытка оказания военного и политического давления на

Азербайджан со стороны России в последующем, вероятно, сменится попыткой нажима на республику посредством контроля над переговорным процессом в Карабахском конфликте и в вопросе о статусе Каспийского моря. Более прагматичную позицию заняли представители российской нефтяной промышленности, предпочитая получать прибыль от разработок на Каспии и обходя стороной вопрос о его статусе. Две линии российской политики в комплексе должны привести к восстановлению ее доминирующей роли в Азербайджане в ближайшие год-два, когда вопрос о маршруте основного нефтепровода станет наиболее актуальным. Как заявил министр топлива и Энергетики России Юрий Шафраник, “России должна приносить прибыль не только собственная нефть, но и нефть ближайших соседей: Казахстана, Туркменистана, Азербайджана” (125). А это станет возможно только если маршруты нефтепроводов пойдут через ее территорию.

Азербайджан преследует в решении нефтяного вопроса как политические, так и экономические цели. Руководство республики пытается получить политические дивиденды за счет предоставления экономического простора великим державам. Нефтедоллары могли бы склонить мировое общественное мнение в пользу Азербайджана в решении армяно-азербайджанского конфликта. Политика лавирования и использования моментов противостояния между государствами, вовлеченными в нефтепроект, дает политическим элитам республики некоторый простор для маневрирования на международном уровне. В экономическом плане Азербайджан получит следующее: продажа азербайджанской нефти в Европу даст возможность разработки других перспективных месторождений; республика, в глазах международных инвестиционных и кредитных организаций обретет более устойчивое положение; появится возможность для более широких капиталовложений в смежные области; республика сумеет создать валютные запасы и проводить собственную инвестиционную политику; ускорится процесс интеграции Азербайджана в мировое экономическое сообщество; повысится уровень технологического развития страны.

Основные контракты, заключенные ГНКАР с зарубежными компаниями на разработку и эксплуатацию нефтяных полей Азербайджана с 1995 по начало 1997 года:

* В октябре 1995 года был образован консорциум, который занялся изучением месторождения Шах-Дениз. Состав консорциума был определен следующим образом (в процентах): ВР - 25; Statoil - 20; Turkish Petroleum - 15; ГНКАР - 40. Позже распределение долей изменилось следующим образом: ВР - 25; Statoil - 25; Turkish Petroleum - 10; ЛУКойл - 10; Elf Aquitaine - 10; ГНКАР - 10; Iran Oil - 10.

* Ноябрь 1995 года ознаменовался подписанием другого контракта на разработку месторождения Карабах. В новый консорциум вошли: ЛУКойл - 32 процента; Pennzoil - 30; Agip - 30; ГНКАР - 7,5. Контракт был ратифицирован азербайджанским парламентом в феврале 1996 года. Консорциум рассчитывает вложить в проект 1,7 миллиарда долларов США(126).

* Новый 1997 год принес пятый по счету контракт по разработке и исследованию месторождений “Ленкорань” и “Тальш-Дениз”, который был подписан 13 января в Париже. В новый консорциум входят Elf Aquitaine (40 процентов), ГНКАР (25 процентов), Total (10 процентов). Двадцати пяти процентная доля все еще остается вакантной и ждет своего владельца(127).

Примечания:

- **Елхан Полухов** - кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии Западного университета (Баку). Электронная почта: <elkhan@sadakhlo.baku.az>.

1. Тогрул Айдын, “Азербайджанская нефть”, *CASPIAN’95*, Лондон, 1995, с. 182.
2. Там же, с. 189.
3. Sagers J. Matthew, ‘The Oil Industry in the Southern-Tier Former Soviet republics’, *Post-Soviet Geography* 35, No 5, 1994.
4. Там же, с. 271.
5. Федоров Ю., “Каспийский узел”, *Мировая Экономика и Международные Отношения*, No 4, 1996, с. 82.
6. Приведенные данные показывают динамику изменений темпов добычи нефти на офшорных и оншорных площадях.

Геофизическое распределение нефтяной продукции в Азербайджане (млн.метр. тонн) (Sagers, p. 284).

	1970	1975	1980	1985	1986	1988	1989	1990	1991	1992	1993
Общее	20.2	17.2	14.7	13.1	13.3	13.7	13.2	12.5	11.7	11.2	10.3
Оншор	7.6	5.8	5.1	3.8	3.8	4.1	3.6	3.1	2.7	2.0	2.0
Офшор	12.6	11.4	9.6	9.3	9.5	9.6	9.6	9.4	9.0	9.2	8.3

Открытие новых нефтяных месторождений на море стимулировало развитие офшорного метода добычи. На сегодняшний день 80 процентов всего объема добываемой в республике нефти извлекается на офшорных площадях. (*Независимое Информационное Агентство (НИА) Assa-IRADA*, спецвыпуск от 25 июня 1994 года).

7. Klebnikov Paul, ‘The Quietly Determined American’, *Forbes*, October 24, 1994, p. 48.
8. Там же, p. 49.
9. Там же, p. 50.
10. *Ауна*, 17 июня 1995 г., с.9.
11. *The Wall Street Journal*, October 2, 1994, p. A 4:4, *The Economist*, November 14, 1992, p.85.
12. Тогрул Айдын, “Азербайджанская нефть”, *CASPIAN’95*, Лондон, 1995, с. 199; *The Houston Post*, September 28, 1991, p. C-3.
13. *The Washington Times*, March 9, 1992, p. A, 9:5.
14. Республика Азербайджан была провозглашена 28 мая 1918 года, но в апреле 1920 года Баку был захвачен 11 Красной Армией. Восемнадцатого октября 1991 года был принят конституционный акт о восстановлении суверенитета Азербайджанской Республики.
15. Начиная с 1988 года, Азербайджан находится в состоянии необъявленной войны со стороны Армении из-за Нагорного Карабаха, где компактно проживали граждане Азербайджана армянской и азербайджанской национальности. На сегодняшний день армянский экспедиционный корпус оккупировал 25 процентов территории республики, выйдя далеко за пределы Нагорного Карабаха. Со стороны международных организаций не раз звучали требования освободить захваченные территории, но все они были проигнорированы Арменией.
16. Позднее, в 1992 году, указом президента Абульфазы Эльчибея (он был избран президентом в июне того же года) был создан новый орган - Государственная Нефтяная Компания Азербайджанской Республики (ГНКАР) в ведение которой были переданы функции нескольких организаций, занимающихся вопросами добычи, переработки и

- транспортировки нефти.
17. *Chicago Tribune*, June 21, 1991, p.7, 1:1
 18. *Interfax Petroleum Report*, September 4-11, 1992, p.7.
 19. *O&GJ*, January 30, 1995, p.32.
 20. Sagers, p.286.
 21. *O&GJ*, September 14, 1992, p. 24.
 22. Тогрун Айдын, с. 199; *WSJ*, October 2, 1992, A 4:4.
 23. *O&GJ*, January 30, 1995, p. 32.
 24. Тогрул Айдын, с.198; *Ауна*, 17 июня 1995 г., с. 9
 25. *WSJ*, May 21, 1993, p. A 6:1.
 26. *Ауна*, 11 марта 1995 г., с. 7.
 27. Klebnikov, p. 49.
 28. *Ауна*, 18 февраля 1995 г., с. 7.
 29. В первой половине июня UNOCAL присоединилась к соглашению об объединении, с долей участия в 16 процентов (*O&GJ*, June 14, 1993, p. 18).
 30. *O&GJ*, June 21, 1993, p. 34.
 31. *O&GJ*, June 14, 1993, p. 18.
 32. *Interfax Petroleum Report*, December 11-18, 1992, p. 8.
 33. Blank J. Stephen, *Energy and Security in Transcaucasia*, US Army War College Strategic Studies Institute, 1994, p. 7.
 34. Часть нефтепровода, идущего из Баку в Грузию, была разобрана и вывезена в период Второй Мировой Войны.
 35. *The Washington Times*, March 9, 1992, p. A 9:5.
 36. Там же.
 37. *Chicago Tribune*, July 7, 1992, p. 3, 3:3; *WSJ*, July 6, 1992, p. A 26:6
 38. Sagers, p. 289.
 39. Там же.
 40. *O&GJ*, March 15, 1993, p. 32; *O&GJ*, March 22, 1993, p. 30; Robins Philip, 'Between Sentiment and Self-Interest: Turkey's Policy Towards Azerbaijan and the Central Asian States' in *Middle East Journal* 47, No 4, Autumn 1993, p. 605.
 41. Robins, p.605.
 42. Barylski V. Robert, 'Russia, the West and the Caspian Energy Hub' in *Middle East Journal* 49, No 2, 1995, p. 227.
 43. *O&GJ*, March 22, 1993, p.30.
 44. В октябре 1992 года Конгресс США принял 907-ю статью к акту о Поддержке Свободы, которая запрещала оказывать любую помощь азербайджанскому правительству до тех пор, пока в республике нарушаются гражданские права, то есть продолжается блокада Армении и проводятся боевые действия против Нагорного Карабаха. Азербайджан единственная из всех республик бывшего СССР, которая до сих пор не получает гуманитарной помощи от правительства США. Такой подход лишь настраивал местные власти против американских нефтяных компаний, участвующих в тендере.
 45. К этому моменту Азербайджан имел договор с Оманом и Казахстаном о создании Каспийского Нефтепроводного Консорциума. Джон Дойс активно лоббировал идею прокладки азербайджанского нефтепровода к Новороссийску, тогда как правительству Эльчибея более импонировал турецкий маршрут. Таким образом, Джон Дойс служил неким возмутителем спокойствия в переговорном процессе между ГНКАР и западными компаниями.
 46. *Ауна*, 17 июня 1995 г., с. 9.
 47. Там же.
 48. Goldenberg Suzanne, *Pride of Small Nations*, Zed Books Ltd. London and New Jersey, 1994, p. 124; Stephen J. Blank, p. 8.
 49. Гейдар Алирыза оглы Алиев родился 10 мая 1923 года в деревне Нахичевань. Имеет образование инженера-архитектора и диплом историка. В 1944 году начал работать в органах государственной безопасности, а с 1967 по 1969 годы возглавлял КГБ Азербайджана. Был первым

- азербайджанцем-генералом КГБ в бывшем СССР. С 1969 по 1982 годы являлся первым секретарем ЦК КП Азербайджана, в том же 1982-м был избран членом Политбюро ЦК КПСС и назначен на должность Первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, которую занимал до 1987 года. В 1990 году вернулся в Баку, где вскоре был избран депутатом Азербайджана, а затем, в 1991 году - председателем Верховного Меджлиса Нахичеванской Автономной Республики (См.: *Гейдар Алиев открывает миру Азербайджан*, с. 7-23).
50. Исключение составляет Конгресс США, принявший Статью 907, но это не мешало американским компаниям участвовать в азербайджанском бизнесе.
 51. *Ауна*, 18 февраля 1995 г., с. 6.
 52. Двадцатого января 1990 года Советская Армия вошла в Баку под предлогом защиты проживавшего в городе армянского меньшинства. Истинной причиной было предотвращение попытки представителей НФА взять власть в свои руки и сместить коммунистическое правительство Абдурахмана Везирова.
 53. Alexei Zverev, 'Ethnic Conflicts in the Caucasus' in Bruno Coppieters (ed.), *Contested Borders in the Caucasus*, VUBPress, Brussels, 1996, p. 36; Goldenberg Suzanne, *Pride of Small Nations*, Zed Books Ltd. London and New Jersey, 1994, p. 166; *Human Rights Watch/Helsinki*, 'Azerbaijan, Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh', December 1994, p. 4 - 5 .
 54. *Известия*, 4 августа 1993 г., с. 5.
 55. *O&GJ*, June 28, 1993, p. 33-34.
 56. *Chicago Tribune*, 18 June 1993, p. 7, 1:5.
 57. Там же.
 58. *Azerbaijan*, 18 августа 1993 г., с. 2.
 59. *Chicago Tribune*, June 18, 1993, p. 7, 1:5.
 60. SOCAR section, *Azerbaijan International*, No 2.4, 1994.
 61. *Chicago Tribune*, July 18, p. 7, 1:5.
 62. *Financial Times*, February 23, 1994
 63. *O&GJ*, November 8, 1993, p. 38.
 64. Stephen J. Blank, p. 14-17.
 65. Переговоры о включении российской компании ЛУКойл были начаты еще в сентябре 1993 года и завершились 20 ноября 1993 года подписанием пакета документов о кооперации между ЛУКойл и ГНКАР. С российской стороны документ подписал Министр топлива и энергетики Юрий Шафраник. Позже он заявил, что доля России в каспийском проекте составляет 20 процентов, однако азербайджанская сторона вскоре опровергла эту информацию, представив другую цифру - 10 процентов (Sagers, p. 289).
 66. Stephen J. Blank, p. 19.
 67. *Interfax Petroleum Report*, December 3-10, 1993, p. 5.
 68. *Гейдар Алиев открывает миру Азербайджан*, изд. "Азербайджан", 1994, с. 32; *Current Digest of the Post-Soviet Press*, March 30, 1994, p. 22; Sagers, p. 287.
 69. *Financial Times*, November 2, 1993, p. 6.
 70. *O&GJ*, March 7, 1994, p. 34.
 71. НИА ANS-press, 21 июня 1994 г., спец. выпуск, с. 3.
 72. Freddy De Pauw, 'Turkey's Policies in Transcaucasia' in Bruno Coppieters (ed.), *Contested Borders in the Caucasus*, VUBPress, Brussels, 1996, p. 188.
 73. *НИА ANS-press*, 27 июля 1994 г., бюл. No 360, с. 4.
 74. *НИА Хабар сервис*, 7 июня 1994 г., бюл. No 904, с. 1; июнь 21, 1994, Спец. выпуск, с. 2; Stephen J. Blank, p. 23.
 75. *Ауна*, 20 мая 1995 г., с. 1-3.
 76. *НИА Assa-IRADA*, 4 июля 1994 г.
 77. *Ауна*, 1 февраля 1997 г., с. 14; *The Status of the Caspian, Azerbaijan International*, No 2.4, 1994.
 78. *Ауна*, 6 января 1996 г., с. 22.

79. *O&GJ*, June 30, 1995, pp.30-36. Более подробную информацию по этой проблеме можно найти в: Khoshbakht Yusifzade, 'The Status of the Caspian' in *Azerbaijan International*, No 2.4, 1994; Brice M. Clangett, 'Ownership of Seabed and Subsoil Resources in the Caspian Sea Under the Rules of International Law' in *Caspian Crossroads*, No 3, 1995, pp. 3-12; Бланш Сас, "Спорные правовые вопросы и практические последствия", в *Caspian 95'*, с. 248-52.
80. *НИА Assa-IRADA*, 4 июля, с. 1.
81. Stephen J Blank, p. 22; *Middle East Journal (MEJ)*, No 4, 1994, p. 701.
82. *НИА Шарг*, 31 мая 1994 г., бюл. No 37.
83. Барильский считает, что именно они убедили Бориса Ельцина подписать 21 июля 1994 года секретную директиву No 396 "О защите интересов Российской Федерации в Каспийском Море", из которой следовало, что этот ареал является сферой влияния России. Они же подталкивали премьер-министра Виктора Черномырдина оказывать большее экономическое давление на Азербайджан, чтобы принудить его пойти на уступки в вопросе учреждения в республике военных баз, передачу под контроль России охраны границ и использования только российского миротворческого контингента в Карабахском конфликте.
84. Robert V. Barylski, p. 223.
85. *НИА ASSA IRADA*, 7 июня 1994 г., с. 2.
86. *НИА Хабар-сервис*, 7 июня 1994 г., бюл. No 971, с. 2
87. Azerbaijan's 'Contract of the Century' Finally Signed with Western Oil Consortium, *Azerbaijan International*, No. 2.4, 1994.
88. Подробнее см. *Зеркало*, 25 февраля 1995 г., с. 12; 11 марта 1995 г., с. 1, 7; Azerbaijan's 'Contract of the Century' Finally Signed With Western Oil Consortium, *Azerbaijan International*, No 2.4, 1994.
89. Will Azerbaijan Really Benefit From the Consortium Contract?, *Azerbaijan International*, No 3.2, 1995.
90. *Azerbaijan International*, No 3.2, 1995, p. 86.
91. *World Press Review*, November 1994, p. 28.
92. *World Press Review*, January 1995, p. 34.
93. С легкой руки президента Гейдара Алиева нефтяной контракт от 20 сентября 1994 года был назван "контрактом века".
94. *WSG*, September 23, 1994, p. A, 10:1; *The Economist*, September 24, 1994, p. 71.
95. *The Washington Post*, September 27, 1994, p. A 21.
96. Там же.
97. Rob Sobhani, 'President Clinton's Iran Option' in *Caspian Crossroads*, No1, 1995.
98. Barylski, p. 224.
99. *Ауна*, 1 июля 1995 г., с. 5.
- 100.
101. *НИА Habar Service*, 7-30 января 1995 г.
102. *MEJ*, No 2, 1995, p. 493.
103. *Ауна*, 3 марта 1995 г., с. 5.
104. *MEJ*, 1995, No 2, p. 491.
105. *НИА Habar Service*, 7-30 января 1995.
106. *Ауна*, 20 мая 1995 г., с. 6.
107. *WSJ*, April 2, 1996, p. A 4:4.
108. *The New York Times*, April 29, 1996, p. A8; *Omri Digest*, May 12, 1996, No 90.
109. См. *Turkish Daily News*, October 26, 1995.
110. *Omri Digest*, May 13, 1996, No 91.
111. *Ауна*, 11 марта 1995 г., с. 6.
112. Radio Free Europe/Radio Liberty (RFE/RL), March 18, 1996.
113. *Omri Digest*, May 17, 1996, No 95.
114. *The Washington Post*, October 10, 1995, p. A, 16:3; *WSJ*, October 9, 1995, p. A 8; *Ауна*, 7 октября 1995 г., с. 9.

115. *The Washington Post*, October 10, 1995, p. A, 16:3.
 116. *Ауна*, 16 декабря 1995 г., с. 6.
 117. *Omri Analytical Brief*, April 17, 1996.
 118. *Ауна*, 27 января 1996 г., с. 6.
 119. *O&GJ*, March 11, 1995, p. 104.
 120. *OMRI - Pipeline News*, March 9-15, 1996, No 4.
 121. *Ауна*, 6 января 1996 г., с. 4.
 122. *Omri Digest*, June 3, 1996, No 106.
 123. *Omri Digest*, June 13, 1996, No 114.
 124. *Omri Digest*, June 5, 1996, No 108; *Зеркало*, 27 января 1996 г., с. 6.
 125. *Omri Digest*, May 14, 1996, No 92.
 126. Колчин С., “Нефтяной фактор в российской экономике и политике”, *Мировая Экономика и Международные Отношения*, No 5, 1996.
 127. ‘Oil development in Azerbaijan’ in *Azerbaijan International*, 1996, No 4.2; *Omri Digest*, May 14, 1996, No 92; *Omri - Pipeline News*, March 9-15, 1996, No 4.
 128. *Ауна*, 21 декабря 1996 г., с. 7 и 18 января 1997 г., с. 5; *Caspian Basin*, февраль 1997 г., с. 15-17.
-

 [Содержание](#)

[Следующая статья](#)